Естественно предположить у Пушкина желание написать об этих женщинах. Но в отличие от демократа Некрасова, воспевшего княгинь, «аристократ» Пушкин для задуманной повести выбирает героиню отнюдь не аристократическую.

Не все жены декабристов были княгинями. Среди одиннадцати «русских женщин»» три были француженками, из которых одна — только наполовину француженка (княгиня Трубецкая была урожденная графиня Лаваль). Две другие не могли похвалиться аристократическим происхождением. Камилла Ле-Дантю, приехавшая в Сибирь в 1831 г., чтобы выйти замуж за В. П. Ивашева, была дочерью гувернантки в доме Ивашевых, а жена И. А. Анненкова Полина Гебль до замужества — продавщицей в модном магазине.

Среди жен декабристов, уехавших к мужьям, можно указать на одну, которая действительно во многом сходна с Дуней. Это жена Василия Львовича Давыдова, гусарского полковника, одного из лидеров Южного общества, осужденного по первому разряду. Александра Ивановна Давыдова, урожденная Потапова, была дочерью губернского секретаря, что по табели о рангах на два класса выше коллежского регистратора (12-й класс, а не 14-й, самый низший), но на три класса ниже титулярного советника (чин Акакия Акакиевича и Поприщина у Гоголя, Макара Девушкина и Голядкина у Достоевского). Связь А. И. Потаповой с В. Л. Давыдовым началась в 1819 г., когда ей было 17 лет., и была узаконена браком в мае 1825 г., после рождения нескольких детей.

Не следует, конечно, предполагать, что Пушкин в «Станционном смотрителе» пересказал подлинную историю четы Давыдовых. Тем не менее, рассматривая отклонения этой повести от ее первоначального варианта, мы видим, что, убирая из повести все указывающее на участие в восстании (но не внося ничего, что противоречило бы такому участию), Пушкин вместе с тем сближает историю Дуни с биографией Александры Давыдовой. Это относится главным образом к внутренней хронологии повести.

В «Станционном смотрителе» рассказчик в первый раз приезжает на станцию в мае не 1825, а 1816 года. В этот приезд он видит дочь смотрителя, девочку лет четырнадцати, поразившую его своей красотой. А. И. Давыдова родилась в 1802 г., и в 1816 г., ей было четырнадцать лет. В следующий приезд он узнает, что три года тому назад Дуня уехала с гусаром. В то же время он «не мог надивиться, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика». Судя по этим словам, между двумя посещениями станции чиновником А. Г. Н. прошло три или четыре года, но в таком случае Дуня должна была уехать с Минским вскоре после того, как ее увидел рассказчик, когда ей было те же четырнадцать или же пятнадцать лет, что весьма неправдоподобно и совершенно не согласуется с тем обликом Дуни, который увидел разыскавший ее отец («Дуня, одетая со всею роскошью моды, сидела на ручке его кресла, как наездница на своем английском седле. Она с нежностью смотрела на Минского...»). Мы можем допустить, что связь Дуни с Минским началась, как и у Потаповой-Давыдовой, в 1819 г., когда ей было семнадцать лет. Проезжий чиновник мог услышать про это в 1822 г.

Весьма существенное значение имеет дата третьего приезда чиновника А. Г. Н., когда он узнал, что станция уничтожена и смотритель «с год как помер». Об этой дате в повести сообщается, что это было недавно, случилось осенью, и что летом того же года Дуня приезжала навестить отца, не зная, что он умер. Если А. Г. Н. в третий раз приехал в эти места через год после смерти Самсона Вырина, который еще в 1822 г. мог ему рассказывать о судьбе Дуни, то эта поездка могла состояться не раньше 1824 г. С другой стороны, если А. Г. Н. после этой поездки успел рассказать свою повесть Ивану Петровичу Белкину, умершему осенью 1828 г., причем для Белкина записанные им повести «были, кажется, первым его опытом», за которым последовало «множество рукописей», в том числе — первая часть «романа, которого он не кончил» (предисловие «От издателя» к повестям Белкина), то самой поздней датой третьего приезда рассказчика следует признать 1826 г. Наиболее вероятна средняя между двумя